

В. М. БОКОВА

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея
декабристов

ДЕЛО О И. М. ЩЕРБАЧЕВЕ

Во время вступления неприятеля в Москву в 1812 г. было, как известно, создано городское управление — муниципалитет. В его обязанности входило содержание городских улиц, освещения города, наблюдение за порядком и тишиной, помощь неимущим и больным и т. д., но главным образом — снабжение французского войска провиантом. Всего в муниципалитет входило 67 человек, в основном иностранцы, а так же некоторые оставшиеся в городе русские чиновники, купцы и дворовые люди, по большей части вовлеченные в муниципалитет помимо своей воли. Среди членов муниципалитета был и чиновник Иван Матвеевич Щербачев, чья необычная биография является предметом настоящего сообщения.

Родился Щербачев около 1773–74 гг., происходил из «штаб-офицерских детей». С детства проявлял способности к рисованию и в 1797 г., получив каким-то образом доступ к императору Павлу, был по его протекции определен учителем рисования в гофинтендатскую контору. Вследствие этого Щербачев проникнулся к Павлу теплыми чувствами, и, когда в марте 1801 г. тот погиб, написал икону, сюжет и надписи которой явно намекали на характер кончины государя. Эта икона была преподнесена вдовствующей императрице Марии Федоровне, выставлена для всеобщего обозрения и вызвала в Петербурге скандал, прямым следствием которого стала отставка лидера переворота 11 марта 1801 г. петербургского военного губернатора гр. П. А. Палена.

Самого Щербачева поспешили перевести на службу в Москву. Вскоре он написал конный портрет нового императора Александра I и в 1803 г., не предупредив начальства, самовольно уехал в Петербург.

Александр, не любивший людей, напоминавших о перевороте, возведшем его на престол, по требовал, чтобы Щербачева вернули в Москву. Несмотря на сделанное ему предупреждение и запрещение снова приезжать в столицу и «докучать государю», Щербачев еще дважды сбегал из Москвы, писал письма императору и пытался с ним встретиться, и оба раза его высылали назад под конвоем. В конце концов ему было строжайше запрещено вообще под каким бы то ни было предлогом покидать Москву без специального разрешения начальства. Для облегчения наблюдения Щербачева поместили на службу в Управу благочиния Московской полиции на должность архитекторского помощника с окладом 120 рублей в год.

С этого времени опальному Щербачеву пришлось несладко: жалованье было смехотворно маленьким, и на жизнь его не хватало; в чине его, зная нерасположение начальства, по вышаты не торопились, а из деревни денег почти не слали: маленькое имение без хозяйской руки приходило в упадок, а поправить дела Щербачев не мог – выезд из Москвы ему был запрещен.

В мае 1807 г., когда во время войны с Францией созывалось ополчение, Щербачев добился разрешения на участие в нем, надеясь на благотворную перемену в своей судьбе. Но ожиданиям его не суждено было сбыться: в военных действиях ему участвовать не пришлось, так что ни наград, ни повышения в чине он не получил.

Правда, незадолго до 1812 г. он все же был произведен в губернские секретари, но опала с него снята не была и запрещение на выезд из Москвы продолжало оставаться в силе.

В начале августа 1812 г. Щербачев вступил в Московское ополчение, и с этого момента начался самый темный период его биографии. Позже, когда пришло время давать объяснения, он несколько раз описывал происшедшее с ним, и каждый раз по-новому. Так, например, он говорил

однажды, что вступив в ополчение, принял участие в Бородинском сражении, «и по разбитии... был захвачен в плен», а в материалах расследования его деятельности, произведенного по горячим следам, значилось, что принятый «перед вступлением французов по прошению его в 1-й Егерский полк ополчения, Щербачев за тяжкую болезнь в онный не явился».

На следствии он то уверял, что лежал больной у себя дома, а к нему ворвались французы и увели с собой, то рассказывал, как «перед вступлением неприятеля в Москву подвизался с прочими на охранение», получил из Арсенала ружья и сабли и «во время упомянутого обременения оружием идучи домой, схвачен был у Арбатских ворот неприятельскими войсками».

Как бы то ни было, в конце концов Щербачев очутился в составе московского муниципалитета, как состоящий «по особым препоручениям от Наполеона и Мюрата». Что это были за «препоручения» и чем занимался Щербачев – осталось неизвестно. Дважды его видели верхом в свите Наполеона, но зачем и почему — никто не мог сказать с определенностью.

Много лет спустя Щербачев так описывал свои злоключения: «должен я был... с упованием на всемогущего Бога переносить, все жестокости; прося провидения в помощь себе, так же и об отечестве... Страждущих под игом неприятельским живущих в Москве, по власти, мне данной Всемогущего творца с помощью его воли спасал я тогда, не взирая на все окружающие меня Опасности, неоднократно был в (Воспитательном) доме, единственно был я для охранения оного и защиты живущих в нем, равномерно также употреблял себя орудием к предохранению многих обывательских домов, которые и ныне в целости находятся, но при приближении конца... когда нужда, его заставила от наших мест удалиться, тогда мне Наполеон дал повеление к отъезду с ним

из моего отечества, чем я был несказанно поражен; но молясь ко Всевышнему и прося его милосердие в помощи себя во избавление, решился таковому показанию не повиноваться. А как проникнуто было им мое намерение, тогда немедленно был осужден к расстрелянию. Приговор судьбы моей решен, и я на месте роковом, – но непостижимая благодать и милосердие Всемогущего творца-зихдителя к человекам – и вдруг внезапный дождь и сильный гром с беспрестанной молнией... и все сие остановило приготовления к погублению моей жизни. Тогда Наполеон велел меня призвать к себе во дворец, сказал мне: вот тебе пощада или новая жизнь с тем, чтобы и впредь его повеления не ослушался, после сего про исшествия и по выходе из Москвы при помощи Всевышнего от неприятеля я скрылся, а потом вскоре вступили наши войска».

По словам Щербачева, сразу после вступления в Москву наших войск он явился «к начальствующему казачьими полками и объяснил ему подробно все случившееся и о действии Наполеона. Тогда означенный начальник просил меня быть им в помощь и участвовать вместе противу неприятеля, ко торым оставлен корпус в Москве. Я тогда предложению был обрадован, приняв отряд казаков под свое начальство и действовал как верный сын отечеству; очистили от всех неприятностей Москву».

Пока Щербачев с упоением командовал казачьим отрядом, в освобожденной Москве был арестован «градской голова» Петр Находкин. При обыске в его доме нашелся список других членов «муниципалитета», и их стали разыскивать и брать под стражу.

С особенным рвением этим занялся вернувшийся в Москву генерал-губернатор Ф. В. Ростопчин. Щербачева вызвали к нему для сообщения сведений о неприятеле. «Я тотчас объяснил ему всю истину о всем случившемся, — вспоминал Щербачев, — что я мог заметить, со ожиданием награды за оное усердие и неусыпное старание, а он велел заключить меня в тюрьму».

Следствие по этому делу тянулось вплоть до начала 1816 г. За это время иные из арестантов успели помереть, другие, менее, виновные, были отпущены под расписку родных или знакомых. Щербачев вел себя на допросах самым жалким образом, юлил, изворачивался, сваливал вину на других, сам себе противоречил... Лишь в 1814 г., когда он обратился с отчаянным письмом к императору, его разрешено было освободить из-под стражи. И вновь он жил в Москве под надзором и без права выезда за пределы города. Следствие по делу московского муниципалитета тем временем продолжалось и наконец подошло к завершению.

38 человек из привлекавшихся к делу были оправданы, остальных наказали кого ссылкой, кого высылкой за границу (иностранцев). Щербачев оказался в особом положении: в чем он был виноват, так и осталось неясным, но его запирательство заставило предположить, что вина все же была, и немалая. В результате и наказание ему было придумано особое: его приговорили «к неопределению впредь ни к каким делам».